

Петр Радечко

РЕАБИЛИТИРОВАННЫЙ
ЕСЕНИН

Петр Радечко

Реабилитированный Есенин

«Четыре четверти»

Радечко П. И.

Реабилитированный Есенин / П. И. Радечко — «Четыре четверти»,

ISBN 978-985-7058-81-5

Самое удивительное в новой книге Петра Радечко – всепоглощающая любовь его к Сергею Есенину. Еще со школьных лет будущий писатель увлекся поэзией русского гения, начал коллекционировать все, что связано с его именем. Два десятилетия Петр Радечко единственный представляет Беларусь на ежегодных международных Есенинских конференциях, которые проводятся в Институте мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, в Москве, в Рязанском госпедуниверситете имени С. А. Есенина и в селе Константиново. Его исследования конкретны и доказательны, и некоторые находки будут использованы в «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина».

ISBN 978-985-7058-81-5

© Радечко П. И.
© Четыре четверти

Содержание

Необходимое предисловие	6
Глава I	9
Глава II	11
Глава III	13
Глава IV	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Петр Радечко

Реабилитированный Есенин

© Радечко П. И., 2016

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2016

*Светлой памяти брата Николая, матроса-средиземноморца,
ставшего жертвой противостояния двух мировых систем, посвящаю*

Необходимое предисловие

*Наш ум не раб чужих умов,
И чувства наши благородны.*
Н. Языков «Песня»

Платон мне друг, но истина дороже.
Перифразированный Платон

Если бы еще несколько лет назад какой-нибудь ясновидящий сказал, что мне придется писать монографию об Анатолии Мариенгофе, я, наверное, рассмеялся бы этому человеку в лицо:

– Помилуйте, но ведь с давних пор моими мыслями владело стремление показать свой независимый, если хотите, субъективный взгляд на жизнь и творчество великого поэта России Сергея Есенина. И тут какой-то лжебарон Мариенгоф перейдет ему в этом дорогу?

Однако жизнь наша полна неожиданностей. События последних лет и положение на отечественном рынке книжной продукции заставили меня принять такое противоестественное решение.

Первым побудительным мотивом явилось мое знакомство с книгой профессора из штата Коннектикут (США) Бориса Большуна «Есенин и Мариенгоф: “Романы без вранья” или “Вранье без романов”?» (Гродно, 1993).

В ней автор методично, навязчиво и целеустремленно повторяет мариенгофские надуманные характеристики Сергея Есенина, добиваясь, чтобы они накрепко засели в сознании читателей. Вопреки давно устоявшемуся мнению в литературоведении, он говорит о большом влиянии имажинизма на творчество рязанского самородка, что, не будь такого литературного течения, он вряд ли состоялся бы как поэт. А поскольку это так, заморский профессор, ничтоже сумняшеся, заводит речь об установке памятника самотитулованному Верховному командору Ордена имажинистов Анатолию Мариенгофу.

Вторым моментом в принятии такого решения был выход в 1998 году в московском издательстве «Вагриус» книги А. Мариенгофа с излишне «скромным» названием «Бессмертная трилогия». В предисловии к ней «От издательства» на странице 5 безапелляционно говорится: «Блестящий стиль, острая наблюдательность, яркая образность языка и вправду позволяют считать мемуарную трилогию Мариенгофа бессмертной» (курсив мой. – П. Р.).

Сыграли свою роль и другие авторы предисловий, которые своими тенденциозно завышенными оценками творчества бывшего имажиниста как бы предлагали своеобразную игру в поддавки. В книге «Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова / предисловие С. В. Шумихина» (М., 1990.) на странице 15 говорится: «Долгое время бытовало мнение, что в “Романе без вранья” Мариенгоф беззастенчиво надругался над памятью Есенина, исказив его образ. Какая-либо аргументация, как правило, отсутствовала. *Справедлива ли такая точка зрения?*» (курсив мой. – П. Р.).

Современный читатель, ошарашенный лавиной ранее запрещенной литературы, которая нынче заполонила книжный рынок, не в состоянии разобраться: где здесь маститые писатели, эмигрировавшие после октябрьского переворота; где оставшиеся в стране, но «работавшие в стол»; где бездарности, стремящиеся взять литературный Олимп необычной темой и напором своих амбиций.

Раскрыв ту же «Бессмертную трилогию», читатель видит постоянно повторяющееся дорогое многим имя Есенина, описание мелких бытовых моментов его жизни, зафиксированных не только свидетелем, но и якобы лучшим другом поэта, и тут же тянет руку в карман

за бумажником. Не предчувствуя того, что покупает не просто макулатуру, а своеобразного Троянского коня, который разрушит его устоявшееся представление о поэте, основанное на личном восприятии творчества. В обмен на это он получит некоторые сведения о неизвестном доселе литераторе Мариенгофе, который был, как Хлестаков с Пушкиным, «на дружеской ноге» не только с Есениным, но и некоторыми другими известными деятелями культуры прошлого столетия. И по неведению своему, будучи морально и финансово обворованным, сочтет себя культурно обогащенным.

И, наконец, в значительной степени подвигло меня на эту трудную, неблагодарную, но очень необходимую работу справедливое замечание племянницы поэта Татьяны Флор-Есениной, опубликованное в Есенинском сборнике «О, Русь, взмахни крылами» (М.: Наследие, 1994. Вып. 1). Она писала:

«Общеизвестна сложность взаимоотношений между Есениным и Мариенгофом, но, к сожалению, до сего времени нет сколько-нибудь значительного исследования, посвященного этой проблеме. Сегодняшние публикаторы произведений Мариенгофа призывают помнить о том, что Есенин посвятил Мариенгофу “одно из нежнейших своих стихотворений”, что поэтов “несколько лет связывала тесная дружба”. Утверждения эти кажутся мне весьма поверхностными и как охранную грамоту я их не воспринимаю.

В 1973 году югославский есениновед Миодраг Сибинович писал: “... в книге Мариенгофа достаточно сальериевской зависти посредственного литературного работника к таланту великого поэта”. Мне импонирует такая точка зрения».

Начиная работу над этой книгой, я учитывал также пожелание современника поэта – литературного критика, председателя комиссии по литературному наследию С. Есенина Корнелия Зелинского, который многое сделал для реабилитации и пропаганды его творчества в послевоенное время. Вот что писал Корнелий Люцианович 24 октября 1955 года директору Государственного издательства художественной литературы Анатолию Котову, предлагая подготовить и выпустить в 1957 году сборник «С. Есенин в воспоминаниях современников»: «Отсутствие литературы о Есенине привело к тому, что в представлениях широкого читателя – и, что особенно неприятно, в восприятии молодежи – наиболее достоверными кажутся воспоминания его “друга” Мариенгофа “Роман без вранья”, произведения, как известно, лживого, тенденциозно искажающего факты и всецело отбрасывающего Есенина в буржуазно-декадентский лагерь. Ничто не нанесло такого удара репутации Есенина как советского поэта, нежели этот ловкий “Роман без вранья”. В этом меня убедили встречи с читателями на шести вечерах, посвященных творчеству Есенина в связи с его 60-летием...»

Очевидно, на нас лежит долг “отмыть” поэта от той лжи и грязи, которой залепил Мариенгоф Есенина, восстановить правду» (Сергей Есенин в стихах и жизни: в 4 кн. Кн. 4: Письма, документы. М.: Республика, 1995. с. 493).

3 февраля 1956 года Корнелий Зелинский пишет в письме другу Есенина журналисту Николаю Вержбицкому: «Необходимо в глазах широкого читателя отмыть облик Есенина от той грязи, которую на него налепили его лжедрузья. Трудно, в частности, измерить тот вред, какой нанесла репутации Есенина пресловутая книжка Мариенгофа “Роман без вранья”. Вы же знаете, что в этой книжке крупницы бытовой правды перемешаны с таким количеством порочащей поэта выдумки, что в целом эта книга явилась тем свинцом, который погрузил Есенина в болото нечистой обывательской молвы. В книжке Есенин изображен спекулянтом, который спекулировал солью, кишмишем, изображен двурушником и негодяем, измывающимся над своим отцом, матерью и сестрами, изображен растленным и циничным представителем богемы, который, по уверению своего *якобы друга* (курсив мой. – П. Р.), обожал заплывающие панели и презирал родную деревню.

Если Дантес убил Пушкина, то Мариенгоф на добрые три десятилетия убил славу Есенина...»

Насколько мне удалось выполнить эти пожелания, пусть решит беспристрастный читатель. Ведь пресловутое мариенгофское вранье и в самом деле может стать бессмертным и вечно очернять имя гениального поэта Сергея Есенина, если не обнажить его истинную суть, не показать это на конкретных фактах.

Данная работа основана на детальном анализе всех есенинских материалов, воспоминаний современников, статей и монографий именитых и не очень именитых критиков, а также доскональном изучении «Вранья без романа», как сразу же после выхода в 1927 году в свет современники стали называть насквозь лживую книгу Мариенгофа «Роман без вранья», иных произведений этого литератора.

Петр Радечко

Глава I

Закадычный друг или заклятый враг?

*Раздружится друг – хуже врага.
Русская поговорка*

*Не боюсь я этой мариенгофской твари и их подлости нисколько.
С. Есенин*

Многих читателей, очарованных светлой, изумительно откровенной поэзией Есенина и желающих узнать о нем как можно больше, неизменно заинтриговывают подкупающие строки из стихотворения «Прощание с Мариенгофом»:

*Но все ж средь трепетных и юных
Ты был всех лучше для меня.*

Что и говорить – большая честь быть лучшим из лучших друзей гения русской литературы, кто неизменно называется как самый читаемый и почитаемый автор не только в России, но и среди русскоязычных граждан других стран, а также как широкоизвестный любителям поэзии всего мира.

У всех у нас в памяти еще со школьных лет имена друзей великого Пушкина, особенно тех, кому он посвятил свои стихи. Это Дельвиг, Пущин, Кюхельбекер, Чаадаев и др. Не будь осиянны они гением Пушкина, многие из них были бы позабыты вместе с уходом из жизни их современников. Но дружба с Поэтом обессмертила их имена. Они навсегда останутся в памяти поколений, свидетельствуя о предельной искренности и порядочности своих отношений с тем, «кто русской стал судьбой».

Узнав о смерти своего первого лицейского друга, Пущин писал из далекой сибирской ссылки, что, будь он на месте секунданта Пушкина Данзаса, своею бы грудью прикрыл поэта. А князь Вяземский, не в силах перенести разлуку с другом, ложился на пути его гроба.

Друзья Пушкина, будучи людьми высокоинтеллигентными, одаренными, исключительно честными и благородными, еще в юные годы по достоинству оценив его гений, всячески старались оберегать поэта, помогать ему, заботиться о нем, терпеливо относились к неровным проявлениям его неуравновешенного, как у всех гениев, характера. Не зря поэт так восторженно восклицал: «Друзья мои, прекрасен наш союз!»

Друзья Есенина в подавляющем большинстве своем, не обладая сколько-нибудь значительными способностями и хотя бы намеком на благородство, стремились «погреться» в лучах его славы, а некоторые (прежде всего Мариенгоф!) беззастенчиво пользовались его кошельком. О помощи поэту, его защите они, за малым исключением, и не помышляли. Наоборот, из-за чрезмерного тщеславия, чувства неумной зависти или душевной подлости распускали о нем нелепые слухи, эпиграммы, всевозможную клевету, «стучали» в органы, контролируя каждый его шаг и поступок.

Не стоял особняком от них и «всех лучший друг» Мариенгоф. Если не сказать, что в последние два года преуспел он в подобных неблагоприятных делах больше остальных. Ведь ни с кем из других Есенин не порвал свою дружбу так решительно и навсегда, как с Мариенгофом. Поэт с ним не встречался и не поддерживал никаких отношений, а случайно столкнувшись однажды на улице, по свидетельству самого же Мариенгофа, они «не поклонились, а развели глаза». Ибо существует истина, что ни один человек не может стать более чужим, чем тот, кого ты любил.

Весьма показателен и тот факт, что Есенин никогда ни в одной газете, ни в одном журнале, ни в одном сборнике стихов не публиковал это пресловутое «Прощание с Мариенгофом» считая его экспромтом, в некотором смысле пародией на творчество «лучшего друга». Не внес он это произведение и в составленное им «Собрание стихотворений». А Мариенгоф и поклонники «образоносца» считали и считают его едва ли не самым важным в творчестве Есенина.

Многие современники Есенина знали обо всем этом и относились к подобным действиям с пониманием, учитывая «омерзительнейшее и паскуднейшее время» (выражение Есенина), в которое пришлось им жить.

Теперь же, по прошествии восьми десятилетий, никого из современников С. Есенина не осталось. И на волне его неуываемой популярности некоторые издатели без разбору стали вытаскивать на свет Божий имена и «творения» тех, кто не внес в историю русской литературы даже малейшего вклада, но каким-то образом (пусть и недобрым!) был связан с именем гениального поэта. В результате за последние несколько лет в дорогих красочных переплетах разными издательствами было выпущено почти все, написанное Мариенгофом, а также произведения других литераторов так называемого Есенинского круга. А люди, далекие от поэзии, в том числе и есенинской, покупая такие дорогие фолианты, ставят их рядом с книгами великого поэта, чтобы при случае похвалиться перед друзьями знанием и таких фамилий.

Да и как не обмануться, если в предисловиях к творениям того же Мариенгофа в обязательном порядке приводятся есенинские строки о «лучшем из всех трепетных и юных» и ни слова не говорится о последствиях этой дружбы-вражды, даются весьма лестные отзывы об авторе, как чудеснейшем человеке, но даже не упоминаются более поздние слова Есенина о своем бывшем друге, как, например, «мерзавец на пуговицах», а тем более – мнения и оценки их современников.

Будучи, как и большинство гениев, человеком изумительно порядочным, «глядевшим на окружающих сквозь розовые очки», С. Есенин при одной из последних случайных встреч говорил А. Мариенгофу: «Я заслонял тебя, как рукой пламя свечи от ветра. А теперь я ушел, тебя ветром задует в литературе!» (Матвей Ройзман. Все, что помню о Есенине. М., 1978. С. 252).

Даже, узнав о подлом предательстве Мариенгофа и многократно убедившись в этом, он не дошел до склочного выяснения отношений с ним, до пересудов и угроз, а тем более – мщенья. А в ответ на предостережения своей близкой подруги Маргариты Лившиц о возможных подлых поступках в отношении его со стороны Мариенгофа он, уверенный в своей беспечности, писал ей 20 октября 1924 года: «Не боюсь я этой мариенгофской твари и их подлости нисколько».

Ни лебедя, ни гуся вода не мочит».

Как показало время, Есенин недооценил коварство своего бывшего «лучшего друга». Мариенгоф все-таки сильно подмочил его репутацию. Более того, сыграл для нее роль Троянского коня. В конце 20-х годов прошлого столетия это привело к запрету его творчества, а теперь способствует постоянному и методичному опощлению.

И потому, нам кажется, настало время, как говорится, отделить муху от котлеты.

Глава II

Не летать курице под облаками

*Сказал однажды мудрый Соломон:
«Чем больше мнений,
тем верней решенье!»
Разумный сей совет или закон
Находит ежедневно подтвержденье.
Д. Г. Байрон. «Дон-Жуан»*

Современники Анатолия Мариенгофа не были сколько-нибудь деликатными в оценке как его творчества, так и человеческих достоинств. Об этом весьма убедительно говорят приводимые ниже их отзывы.

Николай Бухарин, главный идеолог большевистской партии, пробежав глазами поэму Мариенгофа, состоявшую всего из трех строк, «залился самым непристойнейшим в мире смехом» и заключил: «Я еще никогда в жизни не читал подобной ерунды!»

Владимир Ленин, председатель Совнаркома, после прочтения поэмы «Магдалина», спросил о возрасте автора и, узнав, что ему двадцать лет, изрек, будто бы поставив диагноз: «Больной мальчик».

Иван Бунин, поэт, академик, первый российский лауреат Нобелевской премии в области литературы, охарактеризовал его одним, но весьма емким словом: «сверхнегодяй».

Владимир Маяковский, поэт-трибун, высказывал неудовольствие в письме своему коллеге Николаю Асееву следующим образом: «Из перечисленных Вами фамилий – Мариенгоф дрянь, если же его отобрать, как Вы советуете, то получится дрянь отборная».

Известно и другое его определение: «Официант от литературы».

Максим Горький, пролетарский писатель, в письме литератору Далмату Лутохину, который при чтении «Романа без вранья» Мариенгофа сделал вывод о том, будто бы Есенин покончил с собой, заразившись нехорошей болезнью, выразил явное недоумение: «Не ожидал, что “Роман” Мариенгофа понравится Вам. Я отнесся к нему отрицательно. Автор – явный нигилист: фигура Есенина изображена в нем злостно, драма не понята».

Сергей Городецкий, поэт, оказавший Есенину большую помощь в первые годы литературной деятельности, вспоминал: «Когда я, не понимая его дружбы с Мариенгофом, спросил его о причине ее, он ответил мне: “Как ты не понимаешь, что мне нужна тень”».

Борис Лавренев, писатель, автор повести «Сорок первый», написал Мариенгофу в личном письме: «Я же считаю себя в полном праве считать Ваше творчество бездарной дегенеративской гнилью и никакой союз не может подписать мне изменить мое мнение о Вас».

Надежда Вольпин, поэтесса, переводчица, близкая подруга Есенина писала: «Боюсь, после этой тирады (ее слов о таланте Есенина. – П. Р.) я нажила себе в Мариенгофе злого врага».

Августа Миклашевская, актриса Камерного театра, подруга поэта, которой он посвятил цикл стихов «Любовь хулигана», вспоминала: «Все непонятнее казалась мне дружба Сергея Есенина и Анатолия Мариенгофа. Такие они были разные.

– Анатолий все сделал, чтобы поссорить меня с Райх. Уводил меня из дому, постоянно твердил, что поэт не должен быть женат... Развел меня с Райх, а сам женился и оставил меня одного... – жаловался Сергей.

Читая «Роман без вранья» Мариенгофа, я подумала, что каждый случай в жизни, каждый поступок, каждую мысль можно преподнести в искаженном виде».

Зинаида Райх, бывшая жена поэта, незадолго до ее убийства в 1939 году собралась написать свои воспоминания о нем. В подготовленном плане мемуаров отдельным пунктом стоит слово «Друг». Оно взято в кавычки. Долго гадать, о ком пошла бы там речь, не надо. О Мариенгофе. И о его роковой роли в жизни Есенина.

Глава III

Нижегородский «клад»

*То вздор, чего не знает Митрофанушка.
Д. Фонвизин. «Недоросль»*

При жизни Мариенгофа, хотя его век был в два с лишним раза длиннее есенинского, никому из литературных критиков и исследователей в голову даже не приходила мысль написать биографию такого незначительного автора. Сам же он в своих творениях, как и при общении с друзьями, сообщал о себе, мягко говоря, противоречивые факты и потому выстроить сейчас четкую линию его жизнеописания невозможно. Да, собственно, и незачем. Нам важно разобраться в том, что это за человек, а также в характере его взаимоотношений с гением русской литературы Сергеем Есениным, благодаря имени которого вот уже не одно поколение знает, да и последующие будут знать фамилию Мариенгоф.

В том, что верить написанному «всех лучшим» другом Есенина надо с большой осторожностью, читатель далеко не единожды сможет убедиться в дальнейшем. Но для этого необходимо сопоставлять факты и делать соответствующие выводы.

Чтобы придать особую значимость своей личности с самого момента ее появления на свет, Мариенгоф привязывает к этому событию другие, более существенные и запоминающиеся, делает их своеобразными декорациями, чтобы выпятить собственное я. Прежде всего он дает пространственный рассказ об открытии в Нижнем Новгороде, где жила семья его родителей, Всероссийской выставки 1896 года, которую отметил своим присутствием сам государь-император.

«Год был памятный для нижегородцев, – пишет Мариенгоф. – Мама, смеясь, потом говорила:

– А еще год спустя и Толя родился. В ночь под Ивана Купалу. Когда цветет папоротник и открываются клады».

Почему мама при этих воспоминаниях смеялась, автор оставляет читателя в неведении. Встречалась она с царем или нет – решайте мол сами. И, если встречалась, то при каких обстоятельствах. Что же касается даты рождения, то, если бы подобное говорила мать Есенина, неграмотная крестьянка, которой удобнее было запоминать дни рождения детей, ориентируясь на церковные праздники и значимые события, такое звучало бы вполне естественным. Однако в данном случае речь ведется об интеллигентке, столбовой дворянке. И потому слова эти воспринимаются как надуманные, напыщенные, «притянутые за уши».

Наконец, третьим событием, ознаменовавшим появление на свет А. Мариенгофа, явилось то, что акушерка, принимавшая роды, здесь же сошла с ума и была непосредственно из особняка Мариенгофов отправлена в психиатрическую больницу.

Так что же за «клад» открылся нам, наподобие классика белорусской литературы Янки Купалы, в лице Анатолия Мариенгофа в ту досточтимую ночь, когда цвел папоротник, через год после посещения Нижнего Новгорода царем-батюшкой?

Процитируем снова самого автора:

«Я играю в мячик... Няня сидит на турецком диване и что-то вяжет, шевеля губами. Мячик ударяется в стену и закатывается под диван. Я дергаю няню за юбку.

– Мячик под диваном. Достань.

– Достань, Толечка, сам. У тебя спинка молоденькая, гибкая!..

– Достань! Ты достань!

И начинаю реветь. Дико реветь. Валюсь на ковер, дрыгаю ногами и заламываю руки, обливаясь злыми слезами. Из соседней комнаты вбегает испуганная мама.

– Толенька... Голубчик... Что с тобой, миленький?

– Убери! Убери от меня эту ленивую, противную старуху! – воплю я. Мама подымает меня, прижимает к груди.

– Ну успокойся, мой маленький, успокойся.

– Выгони! Выгони!

– Толечка, неужели у тебя такое неблагодарное сердце?

А простачки считают четырехлетних детей ангелочками.

Мама уговаривает меня, убеждает, пробует подкупить чем-то “самым любимым на свете”. Но я обливаюсь ручьями слез. О, это мощное оружие детей и женщин! Оно испытано поколениями в домашних боях.

И что же? Мою старую няню, этот уют и покой дома, увольняют за то, что она не полезла под диван достать мячик для избалованного мальчишки. Шутка ли, единственный сынок!»

Открыв читателям такой нелицеприятный факт из своей жизни, Мариенгоф уже в зрелом возрасте делает попытку покаяться, поскольку мол его на протяжении полувека «грызет совесть за ту гнусную историю с мячиком. Однако поверить ему можно лишь на несколько минут. Поскольку в «Романе без вранья» автор живописует не менее мерзкую историю из его жизни, но уже без тени сожаления о содеянном:

«В Москве я поселился (с гимназическим моим товарищем Молабухом) на Петровке, в квартире одного инженера.

Пустил он нас из боязни уплотнения, из страха за свою золоченую мебель с протертым плюшем, за массивные бронзовые канделябры и портреты предков (так называли мы родителей инженера, развешанных по стенам в тяжелых рамах).

Надежд инженера мы не оправдали. На другой же день по переезде стащили со стен засиженных мухами предков, навалили их целую гору и вынесли в кухню.

Бабушка инженера, после такой большевистской операции, заподозрила в нас тайных агентов правительства и стала на целые часы прилипать старческим своим ухом к нашей замочной скважине.

Тогда-то и порешили мы сократить остаток дней ее брэнной жизни (курсив мой. – П. Р.).

Способ, изобретенный нами, поразил бы своей утонченностью прозорливый ум основателя иезуитского ордена.

Развалившись на плюшевом диванчике, что спинкой примыкал к замочной скважине, равнодушным голосом заводили мы разговор такого, приблизительно, содержания:

– А как ты думаешь, Миша, бабушкины бронзовые канделябры пуда по два вытянут?

– Разумеется, вытянут.

– А не знаешь ли ты, какого они века?

– Восемнадцатого, говорила бабушка.

– И будто бы знаменитейшего итальянского мастера?

– Флорентийца.

– Я так соображаю, что, если их приволочь на Сухаревку, пудов пять пшеничной муки отвалят.

– Отвалят.

– Так вот пусть уж до воскресенья постоят, а там и потащим.

– Потащим.

За стеной в этот момент что-то плюхалось, жалобно стонало и шаркало в безнадежности туфлями.

А в понедельник заново заводили мы разговор о “канделябрах”, *сокращая ничтожный остаток брэнной бабушкиной жизни*» (курсив мой. – П. Р.).

Четырехлетний барчук Мариенгоф добился изгнания своей няньки плачем. После окончания гимназии в Пензе он с другом примчался в Москву «на ловлю счастья и чинов» под крылышком всемогущих родственников, их знакомых и малознакомых, пришедших к власти в результате большевистского переворота. И теперь действует, по его же собственному выражению, коварнее инквизитора. И против кого? Против семьи обыкновенного инженера, у которого и богатства – только протертый плюшевый диван, старинные бронзовые канделябры, да галерея портретов собственных предков. Эта семья добровольно «уплотнилась», чтобы предоставить комнату для юных хозяев положения, хлынувших в столицу «на ловлю счастья и чинов» из малых городов и местечек.

Кстати, перед Есениным, уже известным к тому времени поэтом, никто не уплотнялся. До самой его смерти. А уплотнились перед барчуком Мариенгофом, или, как тогда называли, деклассированным элементом. И семья инженера дрожит перед ним, что вызывало в нем восторг даже через сорок лет.

Есенин в детском возрасте ни няnek, ни кухарок, ни другой какой прислуги не выгонял. Наоборот, он сам оказался в положении изгнанного. Его семья на долгие годы распалась. Отец жил в Москве, работая мясником, а затем приказчиком в мясной лавке. Мать осталась в одном доме со свекровью, братом мужа и свояченицей.

Не угодив свекрови, уехала в Рязань, настойчиво добиваясь развода с мужем. Будущий поэт, по его же свидетельству, с двухлетнего возраста был отдан на воспитание к деду по материнской линии, который одного из своих сыновей за нежелание кланяться ему в ноги сбросил с чердака и тем самым сделал его навсегда инвалидом.

«Дядья мои, – писал поэт в автобиографии, – были ребята озорные и отчаянные. Трех с половиной лет они посадили меня на лошадь без седла и сразу пустили в галоп. Я помню, что очумел и очень крепко держался за холку.

Потом меня учили плавать. Один дядя (дядя Саша) брал меня в лодку, отъезжал от берега, снимал с меня белье и, как щенка, бросал в воду. Я неумело и испуганно плескал руками и, пока не захлебывался, он все кричал: “Эх, стерва! Ну куда ты годишься?” “Стерва” у него было слово ласкательное. После, лет восьми, другому дяде я часто заменял охотничью собаку, плавая по озерам за подстреленными утками. Очень хорошо я был выучен лазить по деревьям. Из мальчишек со мной никто не мог тягаться. Многим, кому грачи в полдень после пахоты мешали спать, я снимал гнезда с берез, по гривеннику за штуку. Один раз сорвался, но очень удачно, оцарапав только лицо и живот, да разбив кувшин молока, который нес на косьбу деду».

Таким образом, Сергей, не являясь сиротой, оказался в положении хуже сиротского. Родителям он был в тягость, а в семье деда – никому ненужной обузой. И потому учился добиваться чего-нибудь в жизни, только надеясь на самого себя.

* * *

Теперь вернемся к тому, как пишет Мариенгоф о своем происхождении:

«Тетя Нина примерно с трех лет называла меня не иначе, как “Анатоль”, и любила той сумасшедшей любовью, какой любят старые девы своих собачонок.

– Боби, – обращалась она к отцу деловым тоном, – я для Анатоля наметила отличную партию... княжна Натали Черкасская. Их родовое имение тоже в Арзамасском уезде.

Тетя Нина говорила “тоже” потому, что она и моя мама, урожденные Хлоповы, были изпод Арзамаса.

– Вы, Боби, вероятно, знаете по истории, что у царя Михаила Федоровича была невеста Хлопова? Мы из этого рода! – при каждом удобном случае *лгала* (курсив мой. – П. Р.) тетя Нина».

Мариенгоф уличает во многократной лжи свою тетю Нину. А о собственном вранье у него – ни намек. Наоборот, даже заголовком своих творений крикливо заявляет о своей порядочности. Однако давайте попытаемся разобраться в этой ситуации.

Прежде всего, зачем тете Нине при наличии у Боби, видимо, уже не маленького сына, для которого она выбрала «отличную партию», «при каждом удобном случае» спрашивать его о царской невесте Хлоповой, из рода которой якобы были и тетя Нина, и жена Боби, т. е. мать Мариенгофа? Ведь Боби, наверняка, давно знал это, и не из учебника истории, а от своей жены, притом еще до женитьбы. Вероятнее всего, именно «не плебейское» происхождение супруги сыграло немаловажную роль в женитьбе этого довольно делового человека.

«– Дед мой по отцовской линии, – писал Мариенгоф, – из Курляндии. Он был лошажник, собачник, цыганолоб, прокутивший за свою недлинную жизнь все, что прокутить можно и чего нельзя.

– И умер, как Шекспир! – говорил отец. – После доброй попойки.

А женился дед на курляндской еврейке, красавице из кафе-шантана. Вплоть до Октябрьской революции этого ему не могла простить тетя Нина».

Ах, сколько здесь пафоса, величия, гордости, романтики и... лжи! Ведь зачем было тете Нине аж до самой революции ругать безымянного деда Мариенгофа за его выбор красавицы-еврейки? Будь по иному, не появился бы на белый свет Боби, и кто бы в таком случае женился на сестре Нины – матери Мариенгофа? А Боби она, по всему видно, уважала. И как мужа сестры, и как отца Анатолия, и как порядочного делового человека.

О деловой хватке Боби свидетельствуют такие откровенные подробности из «романов» сына:

«На вступительные экзамены в Дворянский институт императора Александра II меня привела Марья Федоровна Трифонова, начальница того детского пансиона, где я начал свое *мученическое* (курсив мой. – П. Р.) восхождение по тропе наук...

Марья Федоровна шепчет:

– Толя, сядь на парту у окна, выходящего в коридор.

Неужели она собирается мне подсказывать? Кто? Сама начальница пансиона! Важная дама с лорнетом и волосами белыми, как салфетка. Невероятно!..

Я пишу диктант. В голове чад... Где писать “не”, а где “ни”? А как писать “птичку”? С мягким знаком или без мягкого? Вся надежда на Марью Федоровну... Над молочным стеклом появляется ее рука в кружевной митенке, и сухонький палец подает мне какие-то сигналы. Ясно: я сделал ошибку. Где? Какую? Перечитываю. Вот она!..

За диктант я получил тройку. Но меня все-таки приняли, потому что все остальные предметы сдал на “пять”».

Даже ко всему привычный Мариенгоф считал «невероятным» то, что «сама начальница пансиона, важная дама с лорнетом и волосами белыми, как салфетка», пошла в такой престижный вуз подсказывать своему ненадежному воспитаннику. Здесь, думается, не надо быть Исааком Ньютоном, открывшим закон всемирного тяготения, чтобы догадаться, какая сила потянула ее туда. Вполне можно предположить, что та же сила помогла сдать Анатолию на «пять» все остальные предметы. Иначе совсем непонятной будет следующая фраза из его повествования: «Весной меня не допустили к переходным экзаменам: три годовых двойки».

После подробного рассказа о том, каких трудов стоил отцу Мариенгофа прием его сына в Нижегородский дворянский институт, вызывает улыбку фраза «романиста» о том, что отец не хотел, чтобы Анатолий там учился, и согласился на это только по настоянию тети Нины.

Именно то обстоятельство, что Мариенгофа «не допустили к переходным экзаменам», повлияло на решение отца после переезда семьи из Нижнего Новгорода в Пензу отдать там Анатолия уже не в тамошний Дворянский институт, а в обыкновенную частную гимназию С. Пономарева. Мы не знаем точно, кем работал старший Мариенгоф в Нижнем Новгороде, но, по свидетельству сына, «принял предложение англичанина Локка и стал представителем акционерного общества «Граммофон» в Пензе.

Но и в Пензенской частной гимназии С. Пономарева будущий имажинист не отличался успехами в учебе. Даже, если стать на позицию барыни Простаковой из комедии Д. Фонвизина «Недоросль» и назвать вздором все остальные предметы, которых не знает ее Митрофанушка, все равно «трудно простить» Мариенгофу его «тройку» по словесности, которой он решил посвятить свою жизнь.

«К средней школе у меня была лютая ненависть», – напишет он впоследствии. Очевидно, как и к Дворянскому институту, «безмозглому», как якобы называл это заведение отец Анатолия.

А вот как живописует «романист» момент, когда директор Пензенской частной гимназии вручает ему аттестат:

«С величавой скрипучестью в голосе директор вызывает к длинному столу счастливых учеников.

У меня чуть-чуть замирает сердце.

– Ма-ри-ен-гоф.

О, как я ждал этой минуты! <...>

Сколько огорчений, волнений, головной боли, сколько дней, месяцев и лет, *выброшенных на ветер, из-за этого листа голубой казенной бумаги, ничего не говорящей о человеке!* (курсив мой. – П. Р.).

...27 мая 1916 года, при отличном поведении, окончил полный восьмиклассный курс, при чем обнаружены нижеследующие познания:

Закон Божий ... три (3)

Русский язык с церковно-славянским и словесность ... три (3)

Философская пропедевтика ... три (3)

Математика ... три (3)

Математическая география ... три (3)

И так далее – три, три, три, три...

– Распишитесь, мой друг, в получении аттестата.

Я ставлю четкую подпись.

Директор смотрит, и глаза у него становятся скорбными, страдальческими.

В чем дело?

Оказывается, <...> я не поставил твердый знак в конце фамилии» (Бессмертная трилогия. М., 2000. С.186–187).

Как видим, нижегородский «вундеркинд» несколько не опечален такой низкой оценкой своих знаний в аттестате. Наверняка, не расстроился по этому поводу и его отец, разрешавший своему любимому чаду пропускать занятия в гимназии ради примитивного сочинительства. Что сразу же вызывает в нашей памяти аналогию с госпожой Простаковой из комедии Д. Фонвизина «Недоросль». Вступаясь за своего сына, она, как мы помним, произнесла, ставшую знаменитой, фразу: «То вздор, чего не знает Митрофанушка».

От себя добавим, что подобные родители и их дети главным в жизни считают не знания, а то, как их затем удастся устроить в жизни. На беду нашу. Ведь после октябрьского переворота во властных структурах в России таковых недорослей было большинство.

Забегая вперед, отметим, что поэты-имажинисты не раз отмечали дремучую неграмотность своего собрата по перу. Вадим Шершеневич в своей книге «Великолепный очевидец»

писал: «Где-то у меня долго хранилась «Магдалина» с такими фантастическими орфографическими ошибками в автографе, какие можно было придумать только нарочно».

Вспомним заодно, что в доме Есениных на самом почетном месте в рамке висел «Похвальный лист», выданный Сергею в 1909 году по окончании им Константиновского земского училища. И свидетельство того же Вадима Шершеневича: «Писал он (Есенин. – П. Р.) с помарками, но без ошибок».

Единственное, в чем преуспел наш будущий имажинист, – коварство. В одном из своих «романов» он выхвалялся, что никто в его классе гимназии не мог ставить так подножки, как он.

Завершая разговор о родословной, обстоятельствах рождения и воспитания будущего имажиниста А. Мариенгофа, остановимся еще на одной легенде, которую непременно «жуют» многие исследователи С. Есенина и поклонники Мариенгофа, – о якобы баронском происхождении его отца. Одержимый этой идеей, американский профессор Б. Большун, чтобы окончательно докопаться до истины, воспользовался услугами господина Никласа Шренка фон Нотцинга – одного из наиболее известных специалистов в области немецкой генеалогии. Но результат этого предприятия оказался нулевым. В благопристойной и добронравной Курляндии, куда адресовал своего читателя бывший имажинист, ни близких, ни далеких его родственников не оказалось. И вот что вынужден был написать в своей книге этот американский автор:

«Одно уже сейчас можно сказать, однако, почти уверенно: к прибалтийским баронам немецкого происхождения, так называемым “остзейским немцам”, семья отца Мариенгофа никакого отношения не имеет. И вот по какой причине: ни в одной геральдической книге этого района баронской семьи с такой фамилией обнаружить не удалось. Имелась семья с такой фамилией среди дворян Голландии, но эти Мариенгофы никогда в России не жили и никаких связей с этой страной не поддерживали». (Большун, Б. Есенин и Мариенгоф. «Романы без вранья» или «Вранье без романов»? С. 12).

Таким образом, А. Мариенгоф был уличен в очередной лжи. Прокутить все, как он писал, его деду, лошадинику и собачнику, было сложно. Поскольку никаких имений тот не имел. А появились они только благодаря неумной фантазии его внука-имажиниста.

Как говорится в подобных ситуациях, с заоблачных высот следует спуститься на нашу грешную землю и подкрепить сказанное сведениями из других источников.

Поэт-имажинист Матвей Ройзман в своей книге «Все, что помню о Есенине» на страницах 195–196 приводит письмо к нему драматурга Александра Крона от 19 октября 1966 года. А. Крон, близко знакомый с семьей А. Мариенгофа в 1950-е годы, пишет: «Столь же лжива болтовня, что Мариенгоф ведет свой род от немецких баронов... Отец его, крещеный еврей...»

Таково истинное баронство Мариенгофа. А род деятельности его отца выясним из другого источника. Сестра Анатолия, Руфина, после его смерти в письме английскому литературоведу-слависту Гордону Маквею сообщала буквально следующее: «Мои родители в молодости были актерами, потом, когда они поженились, отец посвятил себя деловой карьере» (Мариенгоф, А. Роман без вранья. Оксфорд, 1979. С. 9).

Между прочим, имя сестры Руфины, как и имена сводного брата Бориса, деда, а также фамилию «двоюродного дяди-брата» Боба, обеспечившего Мариенгофу невиданную стартовую площадку для вторжения в околосредовую среду (вероятно, им был заместитель наркома водного транспорта Эпох Фридрихович Розенталь), «романист» ни в одном из своих произведений не называет. Скорее всего, затем, чтобы скрыть от читателя их неостзейское происхождение. Ему же очень и очень импонировало баронское.

Удивляет только то, почему Мариенгоф так старательно «открещивался» от еврейской крови у себя, но в то же время заменял ее всякую другую кровь у Зинаиды Райх? Безусловно, потому, чтобы благодаря такому отмежеванию беспрепятственно титуловать себя бароном.

«Баронство» Мариенгофа импонировало не только ему самому и некоторым его друзьям, которые, по словам М. Ройзмана, ведут по этому поводу «лживую болтовню». Распространенное «образоносцем» 75 лет назад вранье о своей персоне так въелось в умы многих читателей, что вытравить его теперь очень сложно. И ярким примером тому служит уже неоднократно упоминаемый выше профессор Борис Большун. Сообщив на странице 12 своей книги читателям о том, что «к прибалтийским баронам немецкого происхождения, так называемым “остзейским немцам”, семья Мариенгофа никакого отношения не имеет”, уважаемый профессор тут же забывает о сказанном, и на странице 29 читаем следующее: «Нет, не был Мариенгоф тем беспринципным прожигателем жизни, своей и чужой, каким его представляют в некоторых исследованиях. Ничего он, видно, не унаследовал ни от собако- и цыганолоба немецкого барона-деда, ни от его “аморальной” еврейки-жены из кафе-шантана, как ему этого ни хотелось».

Далее, на странице 50, где речь ведется о разных породах лошадей, Б. Большун пишет: «Вряд ли стоит искать особый скрытый смысл в происхождении непритязательных деревенских вятков от благородных немецко-лифляндских предков (как тут не вспомнить о непутевом деде Мариенгофа, тоже увлекающемся лошадьми)...»

Поскольку версия о баронстве настолько привлекательна и для самого Мариенгофа, и некоторых друзей, и для профессора Б. Большуна, вполне уместно предположить, что она имеет под собой реальную почву. Только, на наш взгляд, специалист в области немецкой генеалогии Никлас фон Нотцинг искал корни рода Мариенгофов немного не там. Они оказались настолько глубоко, что за прошедшие с того времени столетия фамилия нашего героя частично трансформировалась (быть может, при переезде предков в Россию). Изначально, в XVIII веке, она звучала так: «Барон фон Мюнхгаузен».

Предвидим неадекватную реакцию некоторых читателей, и потому именно для них приведем цитату из повествований «самого правдивого в мире человека»: «...если в нашей компании найдутся лица, которые усомнятся в моей правдивости, мне останется только сожалеть о том, что они недоверчивы, и предложить им удалиться до того, как я начну повествование...»

Для остальных же сообщим, что, если мы положим рядом «Роман без вранья» и книгу Готфрида Бюргера и Рудольфа Распе «Удивительные путешествия на суше и на море, военные походы и веселые приключения барона фон Мюнхгаузена, о которых он обычно рассказывает за бутылкой в кругу друзей» (М.: Наука, 1985), откуда взята вышеприведенная цитата, то найдем в них немало общего.

Именно в бароне Мюнхгаузене мы видим черты деда Мариенгофа, лошадирика и собачника, а также черты самого Анатолия. Вот о чем, например, свидетельствует на странице 15 барон Мюнхгаузен: «Я стремлюсь привлечь ваше внимание к более важным и благородным предметам, а именно, к лошадям и собакам, большим любителям которых я был всегда...»

Далее занимательный рассказчик, «скромно» напомнив о том, что слушатели должны верить на слово ему, *самому правдивому человеку*, (курсив мой. – П. Р.) сообщает, что он «всегда славился как высокими качествами своих лошадей, собак и ружей, так и особым умением этим пользоваться. Поэтому я могу гордиться, ибо в полях и лесах долгие годы будет жить слава моего имени».

Ну, чем не «Бессмертная трилогия» Мариенгофа? А название его книги «Роман без вранья» не говорит ли о том, что это самый «правдивый» роман в мире? Ведь все остальные, куда ни верти, с враньем. И все писатели-романисты – лгуны.

«Итак, господа, – продолжим словами Бюргера и Распе, – вы теперь знаете все о господине бароне фон Мюнхгаузене. И, надеюсь, уже никогда не станете сомневаться в его правдивости».

И с нашей помощью вспомните рассказы о его необычайно быстрой борзой собаке, которая за время службы барону «стерла себе лапы почти по самое брюхо, поэтому в последние

годы ее жизни я мог пользоваться ею только как таксой»; и «о чудесном литовском коне», которому решеткой ворот, закрывающих крепость, отрубило заднюю часть, после чего он выпил всю воду в колодце, потому что она сразу же вытекала сзади. Кстати, эту незаменимую лошадку барону Мюнхгаузену подарили в Литве, т. е. где-то в тех краях, где проживали остзейские немцы, и мифический дед Мариенгофа в их числе.

С такую же поражающей воображение «точностью», как и наш любезный «романист», «непримиримый враг всякого вранья» барон Мюнхгаузен говорит о месте проживания своих родителей: «Вас это не удивит, господа, если я скажу вам, что по отцовской и материнской линии происхожу от голландских или по крайней мере вестфальских предков» (Там же. С. 62, а для непосвященных напомним, что Вестфалия находится в Германии).

От безымянного мифического деда, собачника и лошадики, а вернее – от барона Мюнхгаузена Анатолию Мариенгофу передалась любовь к собакам. В своих «бессмертных романах» он упоминает мопсика Нерошку, который жил в доме его отца, а также борзого пса Ирму – у них с Есениным в Бахрушинском доме. Уже одно то, что автор называет клички этих собачек в отличие от «забытых» им имен деда, двоюродного дяди-брата, сестры и брата, говорит о большом внимании Анатолия к «братьям нашим меньшим», которых он ценил, видимо, выше, чем неназванных родственников.

И к лошадям у автора «Романа без вранья» отношение особое. Не только в фамилии, но и в его облике было что-то лошадиное. Не зря же родители Есенина называли Анатолия между собой Мерингофом. Однажды художник Дид Ладо очень удачно изобразил Анатолия в виде лошади. Затем, чтобы не обидеть его, в подобных ипостасях нарисовал Есенина и Шершеневича. Для каждого была определена порода: Есенин – вятская, Шершеневич – орловский рысак, а Мариенгоф с учетом его «остзейского происхождения» оказался гунтером – представителем крупной, сильной и выносливой верховой лошади, разводимой в Англии для спортивной охоты и скачек с препятствиями. После этого крестьянские поэты часто спрашивали имажинистов о том, как поживает их Гунтер?

Можно предположить, что с подачи Анатолия имажинисты назвали свое кафе «Стойлом Пегаса», а также сборники стихов – «Конницей бурь» и «Конским садом».

Больше всего среди гнедых, буланых, вороных и пегих Мариенгофу нравились необычные, под стать ездуку, лошади. Пегас, оседлав которого, он безуспешно хотел попасть «Копытами в небо», Троянский конь, и, конечно же, всем известный из поговорки необычайно лживый сивый мерин. С помощью последнего потомку самого «знаменитого во всем мире барона» Мюнхгаузена удалось создать свое пресловутое «Вранье без романа» или Троянского коня, который вот уже на протяжении восьми десятилетий пытается разрушить репутацию Есенина. Репутацию человека, ибо есенинская поэзия с честью справилась с таким коварством.

О том, как это делалось и делается, читайте в соответствующей главе «Потомок барона Мюнхгаузена, или «Вранье без романа».

Глава IV «Из-за людской кровавой драки»

*Бывали хуже времена,
Но не было подлей.*

Н. Некрасов

*Народ мой! На погибель
Вели тебя твои поводыри!*

И. Бунин

К лету 1918 года Сергей Есенин уже имел поэтическое имя, известное всей читающей России. Он выпустил три книги – «Радуница», «Иисус-младенец» и «Голубень», положительно отмеченные многими газетами и журналами. Его называют народным поэтом, крупной величиной в советской поэзии, ему отводят центральное место в литературных обзорах. В периодике постоянно появлялись его новые стихи и поэмы. Принимал он участие в литературно-музыкальных вечерах.

Вот чем был памятен для поэта, например, первый месяц лета:

2 июня газета «Голос трудового крестьянства» (№ 139) опубликовала частушки «Страданья» с пометой «Собрал Есенин»;

в этот же день газета «Новая жизнь» (№ 2) опубликовала заметку Вячеслава Полонского (Р. Мамонов) о новых книгах, в которой сказано: «Из новых поэтов, обративших на себя внимание за годы войны, вошли в сборник гг. Глоба, Есенин, Липскеров и др.»;

5 июня в газете «Известия Шацкого уездного исполнительного комитета Советов красноармейских и крестьянских депутатов» (№ 27) перепечатывается его стихотворение «Наша вера не погасла»;

в этот же день Есенин читал свои стихи на литературно-музыкальном вечере в помещении бывшего Немецкого клуба (Софийка, 6);

8 июня в «Голосе трудового крестьянства» опубликованы частушки «Смешанные» с пометой «Собрал Есенин»;

9 июня в журнале «Рабочий мир» (№ 6) появилась статья В. Львова-Рогачевского «Поэты из народа (посвящая поэтам-самоучкам)», где сказано: «Клычков, Клюев, Ширяевец, Есенин, Орешин возродили кольцовскую песню, их стихи зазвучали, заиграли огнем, заискрились талантом, засверкали силой и заразили удалью»;

в этот же день казанская газета «За землю и волю» (№ 112) публикует статью И. Майорова «Революционный год в русской литературе». Цитируя строки Есенина из нескольких поэм, ее автор называет поэта «провидцем и провозвестником революции», который «захлестнут ее ветром, опьянен ее солнцем...»;

11 июня газета «Знамя труда» опубликовала поэму «Сельский часослов»;

в этот же день Есенин, Сергей Клычков и Александр Олешин читают стихи на вечере в рабочем клубе;

до 13 июня вышел № 1 журнала «Знамя труда: Временник литературы, искусства и политики» со стихотворением Есенина «Пропавший месяц». Здесь же публикуется сообщение о выходе его книги «Голубень»;

15 июня вышел в свет журнал «Наш путь» № 2, в котором были помещены его маленькая поэма «Инония» и рецензия на сборник стихов Петра Орешина «Зарево»;

в семи номерах петроградской газеты «Знамя борьбы» (с 16 по 28 июня) дается объявление о выходе и поступлении в продажу № 2 журнала «Наш путь». Среди его авторов дважды назван Есенин (как автор поэмы «Инония» и рецензии на книгу «Зарево» П. Орешина);

подобное объявление публикует в трех номерах (с 19 по 22 июня) газета «Знамя труда»; 19 июня в газете «Новости дня» (№ 63) опубликован отклик на книгу Есенина «Голубень»;

23 июня в «Голосе трудового крестьянства» опубликовано «Сказание о Евпатии Коловрате...», а в журнале «Рабочий мир» № 7 – стихотворение «О Матерь Божья...»;

26 июня в «Голосе трудового крестьянства» опубликовано стихотворение «Снег, словно мед ноздреватый». Там же в объявлении сообщалось о предстоящем выходе нового ежемесячника «Красный пахарь», среди авторов которого назван и Есенин;

27 июня в газете «Раннее утро» (№ 117) появилась рецензия Н. Рыковского на книгу Есенина «Голубень»;

28 июня в газете «Дело народа» (№ 86) опубликована поэма Есенина «Певущий зов».

Все это приносило не только славу, но и сравнительно неплохие средства на жизнь.

Вслед за большевистским правительством Есенин переехал в Москву, что давало ему ряд преимуществ. Он по-прежнему в любое время мог посещать редакции газет и журналов, издательства. Белокаменную столицу он лучше знал, так как прожил в ней четыре года. Здесь находились старые друзья, жил и работал отец, ближе становилось родное село Константиново. Отсюда удобнее было добираться до Орла, где у своих родителей находилась жена Зинаида Райх, которая 11 июня родила дочь Татьяну. Как заботливый отец Сергей много пишет, чтобы материально поддержать ее.

Поэзия юного рязанца революционна, отвечает требованиям дня, вполне компенсирует творческое молчание литераторов старой школы. Его строки:

*Мать – моя родина,
Я – большевик...*

убедительно свидетельствуют о лояльности поэта к советской власти.

Но именно летом 1918 года происходят события, которые коренным образом повлияют на дальнейшую политическую и экономическую обстановку в стране, положение народа и на судьбу поэта Сергея Есенина в частности.

В начале июля во время работы 5-го съезда Советов большевики полностью порывают с левыми эсерами и расправляются с ними. Это была последняя партия, с которой до этого они делили власть. Эсеровский лидер Мария Спиридонова была арестована и всю свою оставшуюся жизнь до лета 1941 года провела в тюрьме, где и будет расстреляна при подходе немцев к Орлу.

Есенин после октябрьского переворота тесно сотрудничал с этой партией, регулярно печатал стихи в издаваемой ею газете «Дело народа». Именно в редакции этой газеты поэт познакомился со своей будущей женой Зинаидой Райх, которая работала там секретарем-машинисткой, а также являлась секретарем партии и председателем Общества распространения эсеровской литературы.

И хотя Есенин всегда был далек от настоящей политической деятельности, ему импонировал истинный интерес левых эсеров к проблемам крестьянства. Но он прекрасно понимал, что от большевиков, чуждых крестьянству, деревня ничего доброго не дожидается. Если до начала первой мировой войны Россия экспортировала свой хлеб едва ли не во всю Европу, поставляя туда ежегодно около 11 миллионов тонн зерна, то меньше чем за год своего правления большевики привели страну к голоду.

Городские жители были поделены на четыре категории, согласно которым устанавливался классовый паек. Писатели, как представители свободных профессий, служащие и члены

их семей в месяц получали по... 1 килограмму всех нормированных продуктов, 1 килограмму картофеля и 1 яйцу (Союз потребителей. № 8. 1919).

Работник Наркомпрода А. Вышинский, ставший впоследствии Генеральным прокурором СССР и известный своим одобрением в 1930–1940-е годы решений репрессивных троек, писал в «Бюллетене Наркомпрода» за 1920 год о том, как Ленин на заседаниях Совнаркома любил повторять такую фразу: «Мы должны кормить тех, кто работает на государство, а остальные пусть заводят себе огороды».

Созданные комбеды и продотряды занимались открытым государственным грабежом крестьян, что, естественно, порождало их массовые выступления против власти большевиков. И если еще 5 июля член ЦК левых эсеров Д. Черепанов заявил на съезде Советов о намерении его партии «вышвырнуть за шиворот» этих грабителей из села, то через два дня многие из видных эсеров оказались под арестом. Такой коварной была расплата бывших союзников по революционной борьбе за диктатуру пролетариата. На реплику Марии Спиридоновой Льву Троцкому о том, что большевики нарушают конституцию, тот открыто и нагло ответил: «Какие вообще могут быть речи о конституционных правах, когда идет вооруженная борьба за власть». Главный идеолог большевиков Николай Бухарин, которого Троцкий позже называл Колей Балаболкиным, прославился в этой ситуации своей иезуитской шуткой: «У нас могут быть две партии: одна у власти, другая – в тюрьме».

Не менее «благородно» вели себя и другие вожди пролетариата. Вырвать победу над левыми эсерами им удалось благодаря убийству немецкого посла в России графа Вильгельма Мирбаха. Осуществили этот террористический акт фотограф секретного отдела ВЧК по борьбе с международным шпионажем Николай Андреев и начальник этого отдела, начинающий поэт Яков Блюмкин. Оба они состояли в партии левых эсеров. И действовали, возможно, по решению ЦК левых эсеров. Но, будучи работниками ВЧК, раскрыли этот замысел Ф. Дзержинскому, а тот по согласованию с Лениным или Троцким принял соответствующие меры для того, чтобы объявить совершенный теракт как левоэсеровский мятеж против большевиков, и тут же расправиться с ними.

Убедительным свидетельством тому является невероятная для Дзержинского опека над Яковом Блюмкиным впоследствии и стремительная карьера этого авантюриста, вплоть до должности секретаря Троцкого. По свидетельству наркома просвещения Анатолия Луначарского, Блюмкин, его сосед по лестничной площадке, через несколько лет хвалился тем, что Ленин знал о предстоящем убийстве, детали которого предварительно обсуждал с Дзержинским. И потому, когда во время работы Совнаркома Ленину сообщили по телефону о террористическом акте в германском посольстве, тот невозмутимо и цинично отдал приказ: «Искать, хорошо искать, искать и не найти».

Но нам представляется и иная, наиболее вероятная версия всей этой истории. Замысел теракта исходил от большевиков, известных своими провокационными затеями, а его сценарий тщательно разработан в ВЧК. Затем Яков Блюмкин предложил его в качестве своей личной инициативы руководству левых эсеров, которые резко критиковали большевиков за подписание грабительского для России Брест-Литовского мирного договора. Инициатива Блюмкина была одобрена. Левые эсеры рассчитывали только на срыв мирного договора и проведение дальнейших переговоров с германской стороной в союзе с большевиками. Как наиболее честные революционеры, рассчитывая на порядочность большевиков.

Хотя об истинной честности и тех, и других говорить не приходится, что подтвердил Ленин своей известной, откровенно циничной фразой: «В политике морали нет, а есть только целесообразность». Этому учил и других. Да и история с левыми эсерами, которые после переворота в 1917 году помогли большевикам разделаться со всеми партиями в стране и закрыть Учредительное собрание, понадеявшись, что ленинцы всегда будут им благодарны, говорит о том же.

Сейчас всем известно, что летом 1917 года германский канцлер Вильгельм II разрешил российским революционерам беспрепятственно проехать в запломбированных вагонах из Швейцарии через свою страну в Россию. Но обычно умалчивается факт постоянной подпитки «пломбированных пассажиров» германской стороной. Как до октябрьского переворота, так и после него. Притом, и большевиков, и эсеров. Но совсем не одинаково. 9 ноября 1917 года большевикам, как победителям, кроме постоянной подачи было выделено дополнительно 15 миллионов марок, а эсерам на завтра – только 20 тысяч марок. После же заключения Брестского мира им, как противникам этой грабительской акции, немцы помогать совсем отказались.

К июлю 1918 года положение в Советской России было почти критическим. Еще 16 мая обеспокоенный германский посол Мирбах встретился с Лениным. Во время беседы у посла сложилось мнение, что вождь пролетариата уже не в состоянии улучшить обстановку в стране и собирается вступить в переговоры с Антантой. Об этом он и сообщил в Берлин.

Кайзер Вильгельм на этой телеграмме написал такую резолюцию: «Он не сможет решить эти проблемы... У него нет ни правительства, ни исполнителей... С ним покончено». А генерал Людендорф в докладной записке 9 июня 1918 года на имя госсекретаря Кюльмана пишет: «Нам нечего ждать от такого правительства, хотя оно живет только за наш счет».

Мирбах и Людендорф в качестве альтернативы большевикам предлагают партии октябристов, кадетов и монархистов, но Кюльман в телеграмме Мирбаху решительно отвергает такие предложения и рекомендует укрепить организацию левых эсеров. На эти цели министерство финансов Германии готово выделить 40 миллионов марок.

Безусловно, вся эта переписка стала известна Якову Блюмкину, который в ВЧК занимался контрразведкой именно против германского посольства в Москве. И немедленно доложил Дзержинскому. А тот – Ленину. Вожди пролетариата поняли, что, если левые эсеры и без немецких подачек все больше и больше завоевывают популярность в стране, то в случае получения такой значительной подпитки со стороны Германии они еще лучше укрепят свои позиции в обществе. А для большевиков отсутствие денежных вливаний уже грозит полным крахом.

Замышляя террористический акт против графа Мирбаха, большевики, как говорится, одним выстрелом убивали сразу нескольких зайцев: уничтожали посла Германии, который своей телеграммой так «подорвал авторитет Ленина» в глазах «благодетеля России» кайзера Вильгельма, закрепляли за собой право и в дальнейшем пользоваться подачками Германии и, что самое главное, получали изумительную возможность раз и навсегда разделаться со своими последними союзниками – левыми эсерами. Таким образом они становились полновластными правителями в стране. Без всякой оппозиции. К несчастью нескольких поколений россиян, осуществить этот коварный замысел им вполне удалось.

В пользу этой версии говорят и следующие факты. В книге «Большевики и левые эсеры» ее автор Ю. Фельштинский приводит рассказ бывшего в то время наркома торговли и промышленности Леонида Красина о том, как Ленин собирался действовать в связи с растущей популярностью левых эсеров: «Рассказывая мне об этом предполагаемом выходе из положения, он с улыбкой, заметьте, с улыбкой, прибавил: “Словом, мы произведем среди товарищей эсеров внутренний заем... и таким образом и невинность соблюдем, и капитал приобретем“».

После ареста лидера эсеро-партии Марии Спиридоновой и расстрела 13 других руководителей видный большевик Л. Красин заметил: «Я хорошо знаю Ленина, но такого глубокого и жестокого цинизма я в нем не подозревал».

Коварная расправа над левыми эсерами – истинными защитниками трудового крестьянства – позволила Троцкому провозгласить новый лозунг: «Да здравствует гражданская война с крестьянством!»

У бывшего сельского паренька Сергея Есенина появились сомнения в правомерности действий большевистской власти, а заодно, – своих оценок октябрьского переворота. Воспе-

вать в таких условиях патриархальные устои деревенского быта стало делом явно несвоевременным. Если не сказать – опасным.

Буквально через десять дней после 5-го съезда Советов в Екатеринбурге была расстреляна вся царская семья вместе с прислугой. Правда, сразу сообщили только о казни самого Николая II, мол, по той причине, что к городу приближался восставший полк чехов и словаков, и якобы не было возможности вывезти императора в другое место.

Вполне реально, что такой сценарий вожди революции разработали еще на съезде. Но через десяток лет тот же циничный идеолог партии Николай Бухарин злорадно заявит, что царских дочерей мы «перестреляли за ненадобностью». Это сказано о царевнах, которые так великодушно относились к Есенину во время его воинской службы в Царском Селе и кому он тогда посвятил свое пророческое стихотворение «В багровом зареве закат шипуч и пенен».

Однако дела на фронтах братоубийственной гражданской войны шли не очень успешно, и власти мобилизуют бывших царских офицеров и резервистов, в том числе и представителей творческой интеллигенции. Над Есениным нависает угроза оказаться в роли «пушечного мяса». И здесь не дезертируешь, как в 1917 году, потому что в таком случае вся ответственность за поступок беглеца ложится на его семью.

Как бы в ответ на все происходящее в стране, и особенно на разгром левых эсеров, члены этой партии в июле – августе осуществили несколько терактов. Террорист-одиночка Сергеев выстрелил в спину и убил комиссара по делам печати Петрограда Моисея Володарского. Затем непосредственно в здании ЧК также террористом-одиночкой Леонидом Каннегисером застрелен председатель Петроградской чрезвычайной комиссии Моисей Урицкий. А буквально на следующий день на заводе Михельсона Фанни Каплан выстрелом из пистолета ранила председателя Совнаркома Владимира Ленина.

Большевики решили не мелочиться. В ответ на единичные выстрелы эсеров они объявили массовый красный террор. Для реализации этого решения у них были уже сформированы специальные национальные воинские части, в том числе и наемные – китайские, латышские, венгерские, финские и др.

Сразу же после убийства Моисея Володарского по настоянию Троцкого китайским отрядом был расстрелян герой Балтики Алексей Щастный. Тот, кто в марте 1918 года вместо того чтобы потопить, а это значит – отдать немцам весь русский флот в его главной базе того времени Гельсинфорсе (Хельсинки), не выполнил такой продажный приказ главнокомандующего, и буквально под носом у германской эскадры, ломая лед, привел в Кронштадт 236 боевых кораблей.

Лев Троцкий и Григорий Зиновьев обвинили Алексея Щастного в том, что он сделал это, чтобы... совершить контрреволюционный переворот в Петрограде. На самом же деле Троцкий таким образом убрал талантливого командира, которому в Гельсинфорсе стало известно о тайной связи большевистской власти с немцами. Щастного спешно расстреляли, несмотря на то, что смертная казнь в России была отменена в 1917 году.

В это же время был арестован Главнокомандующий русской армией в 1917 году, совершивший годом раньше знаменитый Брусиловский прорыв на румынском фронте, генерал Алексей Брусилов. После октябрьского переворота он тихо жил в Петрограде, не отдавая предпочтения ни красным, ни белым. Кстати, позже, как и его сын, он принял сторону красных.

Будучи вождем РСДРП, В. Ленин в 1910 году на международном съезде социал-демократов в Копенгагене подписал резолюцию против применения смертной казни. Но то было время его оппозиционной деятельности. А уже через два месяца после прихода большевиков к власти в России, 8 января 1918 года, в объявлении Совета народных комиссаров, опубликованном в газете «Известия», говорилось о создании батальонов для рытья окопов из состава буржуазного класса мужчин и женщин под надзором красногвардейцев. А в конце объявления – грозные фразы: «Сопrotивляющихся расстреливать». И дальше: «Контрреволюционеров расстреливать на месте преступления».

Это уже не смертная казнь, а самосуд. Без суда и следствия.

В «Известиях» № 30 того же года появляется еще более грозное объявление: «...все бегущие на Дон для поступления в контрреволюционные войска будут беспощадно расстреливаться отрядом комиссии на месте преступления». И тут же: «мешочников при сопротивлении – расстреливать». Значит, крестьянин, не подчинившийся новой власти, мог быть тут же пущен в расход.

К лету это кровавое колесо набрало большие обороты. Особенно в Красной Армии, которую «методом устрашения» создавал Лев Троцкий. В городах и весях проводились постоянные принудительные мобилизации. У бывших офицеров переписывали всех близких родственников, которых незамедлительно арестовывали в случае их дезертирства. К каждому командиру приставлялся комиссар, который должен был следить за ним. И эту необученную, во что угодно одетую публику, сразу же отправляли на фронт. А в приказе Л. Троцкого № 18 от 11 августа 1918 года говорилось: «Предупреждаю: если какая-либо часть отступит самовольно, первым будет расстрелян комиссар, вторым командир» (Краснов, В. Неизвестный Троцкий / В. Краснов, В. Дайнес. М.: Олма-Пресс, 2000. С. 44).

Это была не просто угроза. В его же приказе № 31 от 30 августа сообщалось:

«Вчера по приговору военно-полевого суда 5-й армии Восточного фронта расстреляны 20 дезертиров. В первую очередь расстреляны те командиры и комиссары, которые покинули веренные им позиции...» (там же).

Слово «дезертиры» не должно вводить читателя в заблуждение. Это были всего лишь отступившие под натиском белых бойцы. После сдачи белым Казани был расстрелян каждый десятый ее защитник. Так поступали с отступившими и позже.

А после убийства Урицкого 30 августа 1918 года расстрелы начали проводиться везде в массовом порядке. Ситуацию подогревали газеты.

1 сентября «Петроградская правда» публикует телеграмму членов Реввоенсовета 3-й армии Восточного фронта И. Смилги, М. Лашевича, главного политкомиссара Ф. Голощекина и комиссара Особого отряда Бела Куна председателю Петросовета Григорию Зиновьеву. В ней говорилось: «Убийство Урицкого не может остаться безнаказанным. Кровь его вопиет о мести. Трудно воевать со знанием, что в тылу гибнут лучшие товарищи от руки буржуазных наемников. Мы взываем к рабочим Петрограда: товарищи, бейте правых эсеров беспощадно, без жалости. Не нужно ни судов, ни трибуналов. Пусть бушует месть рабочих, пусть льется кровь правых эсеров и белогвардейцев, уничтожайте врагов физически».

Наверняка, такую практику расстрелов без суда и следствия эти «полководцы» осуществляли без оглядки во вверенной им 3-й армии Восточного фронта по отношению к мобилизованным крестьянам и рабочим в случае какой-нибудь провинности с их стороны и теперь требовали лить кровь тех, кто еще не был поставлен под ружье.

Что касается лично Бела Куна, лечившегося в психушке после разгрома в 1919 году руководимой им Венгерской Советской Республики, то он сполна проявил свою кровожадность год спустя в Крыму. Вместе с ущербной, но «пламенной революционеркой» Розой Землячкой, возглавившей местную чрезвычайку, он ответствен за расстрел десятков тысяч сдавшихся там в плен солдат и офицеров белой армии. Пощады не было даже медработникам.

После публикации этой телеграммы в газете Григорий Зиновьев не заставил упрашивать себя повторно. Потому что еще раньше, после убийства М. Володарского, получил письмо от Ленина, где тот сделал ему выволочку: «Тов. Зиновьев! Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты или пекисты) удержали».

Протестую решительно!

Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс вполне правильную.

Это не-воз-мож-но!

Террористы будут считать нас тряпками. Время архивное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает.

Привет. Ленин» (т. 50. С. 6).

Вождь пролетариата знал, что делал, так как его идейный учитель Карл Маркс еще в 70-е годы XIX века оправдал необходимость кровавого террора в революции. Поступиться установками Маркса он не мог. Не зря же его потом назовут «думающей гильотиной».

Расправы начались немедленно. В первую же ночь, согласно официальным сведениям, опубликованным в № 5 «Еженед. Чрез. Ком.» от 20 октября 1918 года в Петрограде были расстреляны 500 заложников. Но неофициальные источники называли в несколько раз большее количество. Среди казненных были офицеры, служащие кооперации, учреждений, присяжные поверенные, студенты, священники, а также просто те, кто попал под руки.

И это не только в Петрограде. В Москве лишились жизни более 100 человек.

Английский военный священник Ломбард 23 марта 1919 года сообщал лорду Керзону: «В последних числах августа (1918 года) две барки, наполненные офицерами, потоплены и трупы их были выброшены в имени одного из моих друзей, расположенном на Финском заливе; многие были связаны по двое и по трое колючей проволокой».

«Еженедельник ВЧК» в № 3 за 1918 год сообщал: «В ответ на убийство тов. Урицкого и покушение на тов. Ленина... красному террору подвергнуть...» Далее шел перечень казненных без суда и следствия заложников местными службами ЧК. Так, Новоржевская уездная чрезвычайка лишила жизни 5 человек, Архангельская – 9, Брянская – 9, Вологодская – 14, Себежская – 17, Пошехонская – 31, Псковская – 31, Ярославская – 38, Смоленская – 38.

Нижегородская ЧК через свою газету сообщила о расстреле 41 человека и о том, что взято 700 заложников, которых собирались ликвидировать в случае очередных убийств коммунистов.

Подобным образом поступали многие губернские чрезвычайки, устраивая ничем необоснованные самосуды над неугодными или просто первыми попавшимися под руки людьми, которые жили вдалеке от Петрограда и слухом не слыхали ни о Моисее Урицком, ни о его кровавых деяниях в северной столице.

Но все ли «кроважидные» белогвардейцы и контрреволюционеры, совершившие расправу над председателем Петроградской ЧК Моисеем Урицким, попали под карающий меч этой организации?

Да. Но не махровые контрреволюционеры и не белогвардейцы, а единственный бывший студент, талантливый поэт, исключительно одаренный природой 22-летний юноша Леонид Каннегисер.

Родился он в семье известного во всей Европе владельца Николаевского судостроительного завода. Рос в богатстве, в культурнейшей обстановке, в доме, где бывал весь цвет Петрограда. Этот баловень судьбы имел красивую внешность, благородный характер, и до весны 1918 года абсолютно не интересовался политикой.

После октябрьского переворота Леонида увлекла личность Ленина. Но подписание большевиками позорного для России Брест-Литовского мирного договора с Германией, расправа над эсерами, введение смертной казни и вся резко меняющаяся обстановка в стране быстро превратили аполитичного юношу в яркого оппозиционера новой власти. Вместе с друзьями он принимает участие в какой-то конспиративной работе и потому где-то пропадает по вечерам. При встрече со знакомыми резко отзывается о действиях большевиков, нисколько не заботясь о том, что на него кто-нибудь может донести в ЧК.

Писатель Марк Алданов (Ландау), хорошо знавший его, вспоминал позже, что после их встречи за месяц до трагедии он посоветовал отцу Леонида отправить сына на юг из гиблого,

как он выразился, Питера. Но события развивались по своему сценарию со зловещими последствиями. Вскоре друзей Леонида арестовали и казнили. С этого момента Каннегисер, как и многие питерцы, боясь ареста, не ночует дома.

Утром 30 августа Леонид появился у родителей на Саперном. Попил чаю, сыграл с отцом одну партию в шахматы. Проиграл и расстроился. Видимо, с результатом этой игры связывал удачу своего замысла. Простился с отцом и уехал на велосипеде к Таврическому дворцу, где размещалась питерская чрезвычайка. Узнав от швейцара «из бывших», что «Его Высокопревосходительство еще не прибыли», минут двадцать ждал у лифта. Но вот подкатил реквизированный у царя автомобиль и, именовавший себя народным комиссаром Северной коммуны, председатель Петроградской чрезвычайной комиссии Моисей Соломонович Урицкий шагнул навстречу своей смерти. Еще весной Каннегисер стрелять не умел, но рука у него не дрогнула.

Леонид попытался скрыться, но абсолютно не предусмотрел это заранее. Как улика на подоконнике осталась его фуражка. С револьвером в руке он сел на велосипед и покатил в сторону Миллионной, намереваясь через проходные ворота Английского клуба попасть на набережную Невы. Но ворота оказались закрытыми. А сзади на автомобиле уже наступала охрана. Стрелять в нее он не стал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.